

Е.Н. Обоймина, О.В. Татькова

Сулова Аполлиария

(1840–1918)

Достоевскому было сорок четыре года, а он уже не ждал от своей жизни ничего хорошего. Его донимали кредиторы, болезни близких — брата и жены... И вдруг на этом безрадостном фоне — страстный роман с Аполлиарией Суловой, ставший сюжетным стержнем нового произведения — «Игрок».

Началось все неожиданно: он получил письмо. Аполлиария Сулова не скрывала, что влюблена в него. Он и сам видел, как загорались ее глаза, когда он читал свой «Мертвый дом» на литературных вечерах (она неизменно бывала везде, где можно было встретить писателя, увидеть, услышать). Прошло немного времени, и Федор Михайлович ответил ей взаимностью.

Многое в ней поражало Достоевского: готовность пойти на какой угодно подвиг и неистребимый эгоизм; нежелание мириться с нормами и приличиями, которые она считала предрассудками, а вместе с тем ее глубокое уважение к русским народным обычаям и традициям...

Крестьянка по рождению, она до пятнадцати лет росла в деревне, затем вместе с младшей сестрой Надеждой воспитывалась в одном из частных пансионатов в Москве, куда определил их отец. Человек незаурядный, очень начитанный, Прокофий Сулов, будучи крепостным графа Шереметева, сумел накопить достаточно денег и выкупиться на свободу еще до отмены крепостного права. Получив вольную, остался на службе у графа, и в начале 1860-х, постоянно проживая в Петербурге, уже исполнял обязанности управляющего делами и всеми огромными имениями Шереметева.

Считается, что Достоевский был первой любовью Аполлиарии, ее первой страстью. «Твоя молодая жизнь подле меня обещала так много и так много уже отдала, она воскресила во мне веру и остаток прежних сил...» — говорил он ей, и она чувствовала себя счастливой. Писатель предложил ей поехать в Европу — там они будут все время вместе, одни: ни тебе работы, ни кредиторов, ни расставаний. Но последовали хлопоты с журналом, ухудшение состояния здоровья жены — врачи настоятельно рекомендовали увезти ее из Петербурга — и Достоевский уговорил Сулова поехать пока одной.

Федор Михайлович занялся житейскими делами: увез жену во Владимир, нашел надежного человека, чтоб присмотрел за пасынком Пашей... И вот — долгожданная встреча с Аполлиарией.

Она встретила его как-то безрадостно. «Я думала, что ты не приедешь, — протянула она. — Ты ведь прочитал мое письмо?»

Федор Михайлович получил это послание только на следующий день — оно ждало его в Париже:

«Все изменилось в несколько дней. Ты как-то говорил, что я не скоро могу отдать свое сердце. — Я его отдала в неделю по первому призыву, без борьбы, без уверенности, почти без надежды, что меня любят... Ты меня не знал, да и я сама себя не знала. Прощай, милый!»

Ее новый возлюбленный, студент-испанец Сальвадор, уже через две недели избегал встреч, а если они все-таки случались — объяснений. Клялся, что теперь очень занят и утомлен занятиями, сказывался больным, подсылал к ней приятеля, чтобы тот объяснил ей наконец, что он все так же страстно и благодарно любит ее, но встретиться с нею не может. А когда Сулова вдруг нечаянно встретила «умирающего» на улице, он объяснил ей, что уже выздоровел, прийти же не мог оттого, что в Америке у него объявился богатый дядюшка, к которому он должен уехать ненадолго, а может быть, и навсегда...

Аполлиария то убегала от Достоевского, то вновь возвращалась к нему, поднимая его в семь утра с постели, в которую он только что лег после бессонной, полной кошмаров ночи, делилась с ним новыми сомнениями и надеждами, тащила с собой по парижским улицам, все еще рассчитывая на случайную встречу с Сальвадором. Федор Михайлович уговаривал ее уехать из Парижа, ведь благородный проходимец бросил ее бесповоротно... «Но как же теперь?..» — «Успокойся, я буду тебе как брат». Она согласилась, и в начале сентября они отправились в Италию.

Достоевский стал замечать, что мысли его все чаще возвращаются к несчастной жене, брошенной им, почти умирающей, к Паше; он понял, что тоскует по России, и даже Полина не в силах освободить его от этой грусти. Они отправились до Берлина, где, как и условились еще в начале путешествия, должны были расстаться. Аполлиария уехала в Париж, а Достоевский перед возвращением в Петербург рискнул заехать в Гамбург, славившийся своими игорными домами...

Он проиграл все, до последней копейки. Полина прислала ему из Парижа 350 франков, и в конце октября он был уже в Петербурге.

«Аполлиария — большая эгоистка, — жаловался писатель сестре Суловой, Надежде вскоре после их окончательного разрыва. — Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны... Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить ее. Она не стоит такой любви. Мне жаль ее, потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она никогда не найдет себе друга и счастья. Кто требует от другого всего, а сам избавляет себя от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья».

Суловой было в ту пору двадцать семь лет. Ее дальнейшая жизнь и впрямь не сложилась: отъезд в провинцию, полицейский надзор, неудачный брак с Василием Розановым, который был на шестнадцать лет моложе ее, уход от него и долгая, всепоглощающая ненависть к покинутому мужу... Но тогда, после расставания с писателем, она долго не могла прийти в себя, посылала письма Достоевскому, на что-то втайне надеясь. Между тем шло время. Федор Михайлович похоронил первую жену, женился вторично. Анна Григорьевна, его молодая жена, тайком познакомилась с посланием нежданной соперницы. «Мне было холодно, я дрожала и даже плакала, — расскажет она потом. — Я боялась, что старая привязанность возобновится и что любовь его ко мне исчезнет».

Роль разлучницы, к счастью, Суловой не удалась. Любопытные вещи о характере этой женщины написал ее бывший муж, писатель и ученый Василий Розанов, чью жизнь, говорят, она превратила в настоящий ад:

«Уже лет 43-х влюбилась в студента Гольдовского (прелестный юноша), жид, гостившего у нас летом. Влюбилась безумно “последней любовью”. А он любил другую... Его одно неосторожное письмо ко мне с бранью на Александра III она переслала жандармскому полковнику в Москве, и его “посадили”, да и меня стали жандармы “тягать на допросы”. Мачеху его, своего друга Анну Осиповну Гольдовскую, обвинила перед мужем в связи с этим студентом Гольдовским и потребовала, чтобы я ему, своему другу — ученику — писал ругательские письма. Я отказался. Она бросила меня».

«Ах, это удивительная женщина, — признавался Розанов одному из друзей. — Меня она никогда не любила и всемерно презирала, до отвращения, — только принимала от меня “ласки”. Без “ласк” она не могла жить. К деньгам была равнодушна. К славе — тайно завистлива. Ума — среднего, скорее даже небольшого. Но стиль, стиль...»

Розанов в конце концов обрел настоящую любовь, но был вынужден довольно долго находиться в роли невенчаного супруга, вечного любовника собственной жены, отца детей, считавшихся незаконнорожденными, поскольку Сулова двадцать лет не давала ему развода. Поистине эта женщина приносила несчастья другим: поселившись в Нижнем Новгороде, она взяла на воспитание девочку, но спустя время ребенок утонул.

Конечно, Аполлиария Сулова была властной и увлекающейся натурой, но нам ли судить ее? Не будь ее, возможно бы, и не было иных блистательных женских образов в романах Достоевского и откровенных розановских книг... «Ученые находят черты

Аполлинарии Суловой во многих образах гения русской литературы Федора Достоевского — и в Полине из “Игрока”, и в Настасье Филипповне из “Идиота”, и в Грушеньке и Катерине из “Братьев Карамазовых”, – говорится в сборнике “Великие женщины XX века”. – Но при этом не преминут заметить, что жизнь свою эта не совсем обычная женщина прожила бездарно, не оставив после себя ни детей, ни книг, ни даже доброй памяти».

Она провела остаток жизни в одиночестве и умерла в Севастополе в 1918 году. Сохранились три письма Достоевского к ней. Остальные так и не найдены до сих пор...